

Людмила Лунина

ОРИГИНАЛЫ

Глубокохудожественным натурам всегда было свойственно желание выразить свою неординарную сущность чисто внешним образом. Степень самовыражения обычно зависела от условностей эпохи и могла проявляться как умеренно — в чуть-чуть нетрадиционном цвете галстука, так и весьма эпатажно — в кардинальном изменении фасона брюк вплоть до коротких штанишек Оскара Уайльда.

Наибольшей свободой возможности выразить себя в одежде достигают в «Серебряном веке». Именно тогда художника перестают воспринимать как рядового служащего — людям искусства теперь положено иметь романтическую легенду и вести соответственный образ жизни.

Одним из первых пропагандистов такой практики, разоблаченной впоследствии как губительная для здоровья, был Михаил Александрович Врубель. Он начал чудить задолго до того, как упреждения в экстравагантности стали для артистических кругов делом обыденным.

МИХАИЛ ВРУБЕЛЬ ЗА РАБОТОЙ. 1900—Е

Совершенно непонятно, откуда у сына военного юриста (дослужившегося до чина генерал-губернатора) обнаружилась повышенная чувствительность ко всему изящному. Уже в шестнадцать лет Врубель жаловался сестре на мещанские нравы одесского общества, где прошли его детство и юность. Впоследствии молва приписывала

говской губернии. Столкнувшись случайно с портным, делавшим чехлы на мебель, Врубель, во-первых, тут же придумывает несколько необычных фасонов чехлов, и, во-вторых, для пейзажного отдыха заказывает себе специальный парад из толстого белого полотна. Когда супружеская чета выходила на прогулку — он во всем белом, она в светлом легком капоте, — они напоминали фарфоровых пастушка и пастушку с картины Фрагонара.

Константин Коровин вспоминал, что Михаил Александрович более прочего не терпел беспорядка в одежде — испачканные манжеты рубашки вынуждали его тут же покупать новую. По утрам он проводил оздоровительные процедуры: грел в большом тазу воду, вливал в нее по каплям духи и олеолон (он покупал самую дорогую парфюмерию на Кузнецком, причем все — на одолженные у Коровина деньги) и в сем благоуханном растворе принимал ванну.

Если устраивался пикник, нельзя было сыскать лучшего распорядителя. Врубель знал все ритуалы — какое вино с какими блюдами сочетать, с каких закусок начинать и что подавать на десерт. Для пикника Врубель придумал себе особый костюм, по его мнению, лучшим образом соответствующий цели мероприятия: черные гамашы, белые перчатки и цилиндр с бантом.

Надежду Ивановну Забелу Михаил Александрович одевал исключительно на свой вкус. Он придумывал ей не только театральные, но и обычные платья. Правда, обычными их можно было назвать с некоторыми оговорками. Носила Надежда Ивановна белые, всегда накрахмаленные, элегантные рубашки с бриллиантовыми запонками, черные юбки и разные фижаро. Над фижаро Врубель старался особенно, находя для них самые причудливые и редкие цвета — лилово-красные или малахитово-зеленые. Дополняли костюм белый шелковый галстук или великолепная брошь с опалом.

По эскизам Врубеля был сделан наряд Забелы к опере «Садко». Он состоял из множества полупрозрачных разноцветных чехлов. Не доверяя ко-

«Щегольское изящество драгоценного легкомыслия»

ему фантастические университеты — что-то около трех факультетов — и энциклопедическую осведомленность обо всем на свете. Михаил Александрович, однако, осилил только юридический факультет в Петербурге, и тот по принуждению отца. В 24 года, заполучив долгожданную дипломную корочку и даже отбыв воинскую повинность, он смог наконец заняться тем, что было ему по душе и поступил в Академию художеств под руководством Павла Чистякова.

Во время учебы ни в чем предосудительном Михаил Александрович замечен не был, одевался небогато и скромно, костюмы носил серые, лицо имел молодежовое и довольно бесцветное. Из талантов выделялся ораторскими и, конечно, художественными способностями. По протекции Чистякова Врубеля приглашают в Киев — работать над реставрацией фресок Кирилловской церкви. В Киеве, под свежими ветрами вечной старины, происходит его удивительное превращение в Художника. В образе неожиданном и чудесном предстает Врубель в памяти одного из учеников Киевской рисовальной школы некоего Л. Ковальского, запечатлевшего этот момент в записках, кои приводятся здесь в пересказе, близком к тексту оригинала.

Однажды прекрасным летним вечером, когда солнце клонилось к закату, Днепр сквозь пелерину тумана казался перламутровым, а дуга — лиловыми, юноша Ковальский, расположившись на холме, с умиротворением в сердце изображал нехитрый этюд. Его творческое одиночество было разрушено шорохами за спиной. Он обернулся.

Перед ним стоял эльф — нежное белокурое существо невысокого роста, изящного телосложения, с очень характерным (вместо прежнего бесцветного) лицом, которое украшали чрезвычайно тонкие белые усики. Одето существо было в черный бархатный костюм, чулки, короткие панталоны и штiblеты. Так в Киеве никто не одевался, и бедный юноша Ковальский был поражен до потери речи. Загадочное же видение любезно дало начинающему художнику несколько дельных советов по поводу этюда и исчезло.

Мелкий петербургский чиновник превратился в принца. Реставрация древних византийских фресок в Киеве не могла не дать пищу ассоциациям. Врубель идентифицирует себя с мастером, занятым ремеслом вечным и прекрасным. Несколько месяцев он проводит в Венеции, везде показываясь в театрализованном костюме, точь-в-точь напоминающем наряды венецианских патрициев времен Тициана. Михаил Александрович начинает целенаправленно играть в художника. У него обнаруживается универсальный дар стилиста. Художественная чуткость Врубеля в одежде становится притчей во языцех. Всегда стесненный в средствах, он одевается только в дорогих магазинах. Если есть деньги, шьет костюмы по самым невероятным случаям. Будучи уже женат, он гостит у брата своей жены, оперной певицы Надежды Забелы на хуторе в Черни-

стюмершам, Михаил Александрович самолично одевал жену перед спектаклем — «от чулка до головного убора» и для этого приходил в театр за два часа до начала.

Нередко Надежда позировала ему для портретов — опять же в соответствующих одеждах: легкие прозрачные капоты, кисея зеленая с лиловым, лиф формы empire, садовая кисейная шляпа и в руках лорнет.

Врубель сам оформил свою петербургскую квартиру. Мебель была подобрана неприхотливая и элегантная — белая и деревянная некрашенная: стулья и кресла обтянуты плюшем самых нежных оттенков vieux rose и geseda. Михаил Александрович любил простоту и изысканность.

Врубель сочетал в себе утонченный снобизм денди с очаровательной непосредственностью enfant terrible, несколько нарушавшей шаблонный имидж эстета. Он придумывал свои картины, костюмы, жизнь — все в равной степени гениально. Придумывал и играл самого себя, и его герой стал классикой Декаданса. Врубель умирает от нервного заболевания, которым страдал долгие годы, — сама смерть его дает повод для подражания: в моде неврастения, безумие, демонизм. «Я не был с ним знаком, — сказал на похоронах Врубеля Александр Блок, — но все, что слышал о нем, — как сказка».

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА. НАДЕЖДА ИВАНОВНА ЗАБЕЛА—ВРУБЕЛЬ В ЛЕТНЕМ ТУАЛЕТЕ «EMPIRE», ВЫПОЛНЕННОМ ПО ЗАМЫСЛУ МИХАИЛА ВРУБЕЛЯ